

Цинь Шу внимательно следил за показателями «барометра» и заметил, что от одного лишь поцелуя значения перевалили за девяносто. Ци Юань напоминал ребенка: стоило угостить его сладостью, как он светился от самого чистого, незамутненного счастья.

Ци Юань прильнул к губам Цинь Шу, и уже через мгновение его тело задрожало от возбуждения. Цинь Шу одной рукой обхватил его за талию, а другой ласково провел от затылка вниз по спине; там, где касались его пальцы, кожу покалывало, словно от разрядов тока.

Тихо вскрикнув, Ци Юань окончательно обмяк. Цинь Шу на мгновение замер. Он знал, что близость имеет для его партнера особое значение, но не ожидал столь бурной реакции. Актер походил на мимозу-недотрогу: стоило лишь коснуться, как он из натянутой струны превращался в податливый воск. Это зрелище казалось художнику донельзя трогательным и забавным.

Вместе с тем в душе Цинь Шу шевельнулось сомнение: если Ци Юань настолько чувствителен, как же он справляется на съемках?

Впрочем, раздумья быстро оставили его, стоило лишь услышать, как Ци Юань нежным, прерывающимся голосом шепчет его имя.

Когда тот целовал его, то действовал по наитию, извиваясь в объятиях всем телом, точно лишенный костей. Цинь Шу не был святым, и его хваленая выдержка, которую он с таким трудом сохранял, мгновенно дала трещину.

Широкая ладонь художника накрыла затылок актера. Ци Юань замер, словно замороженный этим властным жестом, обещающим полное подчинение. Его миндалевидные глаза были полуприкрыты, источая самое невинное и в то же время порочное искушение.

Глядя на то, с каким робким ожиданием смотрит на него этот многоопытный, по общему мнению, ловелас, Цинь Шу ощутил прилив бесконечной нежности. Он мягко прижал актера к спинке кресла и принялся целовать его глаза — те самые, которыми так дорожил. В каждом его движении сквозила трепетная забота. Ресницы под его губами мелко дрожали, напоминая крылья едва проклюнувшегося птенца, кроткого и послушного.

Цинь Шу покрывал его лицо поцелуями, и никогда прежде он не осознавал так ясно: Ци Юань нуждается в нем.

Стоило лишь захотеть, и он мог бы прямо здесь, в этой машине, заставить Ци Юаня до кончиков пальцев пропитаться его запахом.

Этот человек, так ревностно оберегающий свое сердце, сейчас по-глупому обнажил перед ним

всю свою уязвимость. Цинь Шу видел в его глазах безграничное доверие и ту решимость, с которой люди ставят на карту всё.

«Ну и дурачок», — пронеслось в мыслях у художника. Только испытав это на себе, можно понять, насколько бесценно встретить того, кто готов отдаться тебе без остатка. И то, что теперь он сам может ответить человеку такой же преданностью, казалось ему настоящим чудом.

Цинь Шу спускался поцелуями всё ниже: коснулся переносицы, пылающей мочки уха, гладкого подбородка и, наконец, остановил взгляд на влажных, покрасневших губах.

В глазах Ци Юаня плескалась влага, дыхание стало частым и прерывистым, а губы замерли в безмолвном приглашении.

Цинь Шу крепче сжал его затылок и наконец накрыл своим ртом эти манящие лепестки. В отличие от порывистых, неумелых ласк актера, художник полностью контролировал ритм, направляя каждое движение и заставляя партнера откликаться так, как ему было угодно.

Если бы Ци Юань открыл глаза, он бы увидел, как преобразился Цинь Шу. В его обычно бездонных, темных зрачках заплясали багровые искры, точно раскаленная лава, дремавшая в ледяных глубинах океана, внезапно вырвалась наружу, расцвечивая ночное небо ослепительным пламенем.

Ци Юань же сейчас полностью растворился в ощущениях. Он отчетливо чувствовал силу пальцев на своем подбородке и то, как всё крепче сжимается ладонь на его талии.

Губы и руки Цинь Шу обладали магической силой. Под их лаской Ци Юань чувствовал, как остатки сил покидают его тело. Он готов был растаять, у него не хватало сил даже на то, чтобы крепче обхватить плечи партнера, и он лишь слабо смыкал руки на его шее.

Жаркое, зудящее томление, исходящее от ладоней и губ художника, превратилось в горячий поток, который ударил по нервам и скопился в груди. Голова закружилась, и Ци Юаню показалось, будто он дрейфует в бескрайней пустоте иного измерения.

Видя такую реакцию, Цинь Шу не без гордости ощутил укол собственничества. Только он мог подарить этому человеку подобное наслаждение. И кем бы они ни были в круговороте перерождений, этот человек должен принадлежать только ему.

Когда долгий и нежный поцелуй подошел к концу, Ци Юань еще долго не мог прийти в себя. Он безвольно покоился в объятиях Цинь Шу; они теснились на одном сиденье, тесно прижавшись друг к другу. Ритмичный стук сердца, доносившийся из чужой груди, навсегда отпечатался в памяти актера как символ высшего блаженства и покоя.

Прижавшись к Цинь Шу, Ци Юань старался унять дыхание, которое всё еще обжигало жаром, пока сознание медленно возвращалось из небытия.

Машина уже давно замерла перед входом в отель, но Ци Юань, прикинув к партнеру, совершенно не желал уходить. Вспоминая себя прежнего, он вдруг почувствовал, что многое упустил.

Он взрослый человек, у него есть постоянный партнер — так что же мешает ему пойти дальше? А он, точно школьник, радовался одному лишь прикосновению рук или мимолетным объятиям.

Наверное, такова человеческая природа: люди алчны, и, получив желаемое, они тут же начинают требовать большего. И этой жажде нет конца.

— Цинь Шу, останься со мной сегодня, а? — прошептал Ци Юань, ластясь к нему и не скрывая своего желания.

— Нет.

Ци Юань не ожидал столь резкого отказа. Румянец еще не сошел с его лица, а сердце уже болезненно сжалось.

Однако он не собирался так просто сдаваться.

— Ты ведь только что сам меня коснулся... Неужели не хочешь? — в его голосе прозвучал вызов.

У Цинь Шу дернулась бровь, а к лицу прилила кровь. О таких вещах можно знать, но зачем же говорить о них вслух?

К тому же он не был истуканом. Его партнер молод и прекрасен — что странного в том, что его тело отозвалось на близость? Это ведь совершенно естественно.

Ци Юань, заметив, что его слова достигли цели, решил развить успех. Он вытянул свои длинные ноги и уселся верхом на колени Цинь Шу, точно коварный искуситель обвив руками его шею.

Он не делал ничего лишнего: просто замер лицом к лицу, нежно потерся кончиком носа о его нос и принялся тягуче шептать имя художника. В уголках его глаз всё еще стояла розовая дымка — он был до чертиков соблазнителен и прекрасно об этом знал.

Они были знакомы совсем недолго, но Ци Юань уже успел понять: Цинь Шу нравится такое поведение. Прямолинейность его не трогала, а вот против этой вязкой ласки он был бессилён.

И действительно, реакция последовала незамедлительно. Ци Юань торжествовал: его прежняя беспомощность осталась в прошлом, теперь инициатива была в его руках. Мысль о том, что он может управлять этим невозмутимым человеком, заставляла кровь кипеть в жилах.

— Муж мой... — прошептал он.

Это обращение стало детонатором. Страсть Цинь Шу вспыхнула мгновенно. Не успел Ци Юань опомниться, как сильные руки подхватили его за талию и пересадили на соседнее кресло — всё произошло так быстро, что актер даже не успел вскрикнуть.

Раздался щелчок замка, и Цинь Шу уже выскочил из машины. Ци Юань, опешив, невольно проследил за его фигурой и округлил глаза. Его парень обладал поистине незаурядным талантом: как можно было так быстро привести себя в порядок?

Вслед за ним из машины вышли Ван Сяоя и Мэн Ши.

Оба ассистента старались не смотреть на актера. Ци Юаню не нужно было гадать, в чем причина: его автомобиль имел отличную звукоизоляцию, но звуки ведь передаются не только по воздуху.

Мэн Ши и Ван Сяоя, точно верные стражи, заслонили собой объективы камер, но толку от этого было мало. Папарацци сидели в засаде именно ради этого момента, и не нажать на спуск после всех мучений с комарами было бы просто преступлением.

Надо сказать, что в государстве Юй артисты пользовались относительной свободой. Конечно, на звезд глазели на улицах, но толпы собирались редко. Это не чета соседнему государству «Е», где знаменитостям приходится скрывать каждый свой шаг, иначе любая прогулка грозит обернуться транспортным коллапсом.

Но Ци Юань был исключением. Он стал первым, кто вызвал в стране настоящую волну фанатизма. Он был слишком ярок: им восхищались, ему завидовали, его ненавидели, но не было человека, который бы о нем не слышал. Одних слухов вокруг его имени хватило бы, чтобы прокормить целую армию репортеров.

С момента признания в романе прошла почти неделя. Несмотря на то что сам актер подтвердил свои отношения, многие всё еще сомневались — особенно из-за того, что второй участник событий оставался в тени.

Обычно, когда публичные люди объявляют о союзе, это делают оба. Цинь Шу же ограничился лишь лайком под постом Ци Юаня. Да и публикации самого актера в «Ланьмао» за последнее время напоминали скорее простую воду, чем изысканное вино: в них не чувствовалось того самого особого «вкуса», присущего Ци Юаню.

Поэтому папарацци в Фэнпине сейчас было пруд пруди. Каждый мечтал заполучить какой-нибудь эксклюзив.

Ци Юань ежедневно курсировал между отелем и съемочной площадкой в компании Цинь Шу, и не похоже было, что они прячутся. К тому же поползли слухи от сотрудников группы: мол, художник ради Ци Юаня вложил деньги в фильм, лишь бы иметь законный повод быть рядом с возлюбленным.

Их роман постепенно обретал четкие очертания, но, несмотря на обилие совместных снимков, по-настоящему интимных кадров не было. Максимум — касание рук, что выглядело даже скромнее случайных уличных фото.

Фанаты пары изнывали от нехватки «сахара», а папарацци — от досады. Но упорство всегда вознаграждается, и сегодня им наконец улыбнулась удача.

Отель, где остановился Ци Юань, не был секретом. Журналисты заняли позиции заранее и дождались появления его машины, которая простояла у входа добрых десять минут.

И вот теперь Ци Юань вышел из салона: взгляд его сиял, а губы горели таким ярким цветом, будто их накрасили румянами. Даже дурак бы догадался, чем занималась парочка за закрытыми дверями.

Это была настоящая бомба. У репортеров, сжимавших камеры, задрожали руки: они уже видели, как звонкая монета сама прыгает к ним в карманы.

Ци Юань, сделав широкий шаг, замер у машины. Пробежав взглядом по лесу объективов, он подошел к Цинь Шу. Убедившись, что тот не сердится, актер жестом велел ассистентам отойти и повернулся к камерам. В его позе сквозила привычная небрежность и природное обаяние.

— Снимать пришли? Ну так снимайте, только постарайтесь, чтобы я хорошо получился, — его отношение к прессе оставалось неизменным.

Папарацци переглянулись и с новой силой защелкали затворами. Раз сам киноимператор Ци не против, дело в шляпе.

Ци Юань по-хозяйски положил руку на плечо Цинь Шу и, заглянув ему в глаза, прошептал так, чтобы слышал только он:

— Цинь-гэ, подыграй мне. Люди старались, ждали нас... нехорошо уходить, не дав им ничего.

Цинь Шу встретил его взгляд. Голос его был лишен эмоций:

— Ты сначала сделал по-своему, а теперь просишь совета. Не поздно ли?

— Виноват. Накажешь меня? — Ци Юань дерзко улыбнулся, и в этой улыбке проскользнула такая чувственная нотка, что Цинь Шу было трудно не понять намек.

Он перехватил ладонь, скользнувшую к его груди, и приглушенно произнес:

— Мы на улице. Веди себя приличнее.

В ответ Ци Юань просто прильнул к его плечу и одними губами, с вызовом, прошептал:

— И не подумаю!

Цинь Шу лишь вздохнул. Ругать бесполезно, а отталкивать не хотелось — оставалось только смириться. Его партнер был прекрасен всем, кроме этой неумемной тяги выставлять чувства напоказ. Но раз уж ему достался такой человек, что поделать? Придется баловать.

Пока они переговаривались, папарацци в экстазе ловили каждый миг. Под вспышками камер рождались один за другим настоящие шедевры.

Поняв, что материала достаточно, Цинь Шу применил свой главный козырь: обнял Ци Юаня за талию и повел в отель.

У актера тут же подкосились ноги, и всё его желание дразнить как рукой сняло. Поднимаясь по ступеням, он всё же обернулся и крикнул:

— Парни, выберите те, что покрасивее!

Ван Сяося закрыла лицо руками. «Гэ, ты хоть понимаешь, что твой тщательно выстроенный имидж только что рассыпался в прах?»

Когда пара скрылась за дверями, помощница подошла к фотоаппаратам.

— Все мы люди, у всех своя работа. Надеюсь, вы понимаете, что стоит писать, а что нет?

Главный в группе, косясь на стоящего рядом здоровяка, похожего на каменную башню, поспешно закивал:

— Понимаем, конечно! Мы же на милости учителя Ци живем. Не волнуйтесь, сестрица Сяося, всё будет в лучшем виде.

***

Они зашли в лифт, где уже ехали двое актеров из их группы. Все обменялись вежливыми кивками. Ци Юань мельком глянул на панель: те двое жили на седьмом этаже, там же, где и Цинь Шу.

Взгляд его замер на светящейся цифре семь. Пальцы невольно дернулись — так и хотелось выковырять эту кнопку.

Цинь Шу, не обращая внимания на его метания, нажал девятку. Теперь Ци Юаню захотелось вцепиться уже в пальцы самого художника.

Лифт двигался быстро, и мгновение спустя двери открылись на седьмом этаже.

Проводив взглядом коллег, Ци Юань порывался сделать шаг следом, но в итоге лишь опустил глаза. Не будь здесь посторонних, он бы точно выскочил за Цинь Шу. Но он не мог допустить, чтобы кто-то увидел его поражение. У него еще осталась гордость.

Двери закрылись, и актер остался один. В душе внезапно стало пусто. Весь его боевой задор испарился, недавнее блаженство померкло, и он почувствовал невыносимую усталость.

«Ну и истукан», — подумал он. Ци Юань понимал, что Цинь Шу просто уважает его, но ему-то хотелось быть рядом. Разве он просил о многом?

К тому же Цинь Шу, выходя, не обронил ни слова. Может, он всё-таки разозлился из-за той выходки у входа? Но Ци Юань просто хотел, чтобы все знали: они вместе.

Он то злился на холодность партнера, то корил себя за излишнее давление. Вернувшись в номер, он механически принял душ и замер, уставившись на телефон.

Обычно они созванивались минут через тридцать после того, как расходились по комнатам. Время уже подошло, и раньше Ци Юань набрал бы номер не раздумывая, но сегодня он медлил. Ему казалось, что если он позвонит первым, то признает свое поражение.

Минуты тянулись бесконечно, и настроение падало всё ниже. В конце концов он не выдержал и нажал на кнопку вызова.

Подумаешь, уступить первым. Своему парню — не зазорно.

Он уже проходил через это совсем недавно. Ци Юань убеждал себя: в первый раз трудно, во второй — привыкнешь. Не стоит мучить себя ради гордости, он просто хочет поговорить с любимым человеком, и в этом нет ничего плохого.

Ожидание было мучительным. Раньше Цинь Шу снимал трубку на третьей секунде, но сейчас прошло уже больше десяти, а ответа не было.

«Неужели и впрямь разозлился? Или занят чем-то? А вдруг что-то случилось?» В голове роились тревожные мысли, и Ци Юань уже схватил куртку, намереваясь бежать вниз.

И в самый последний момент, когда вызов уже готов был сорваться, из трубки донесся знакомый голос.

— Алло?

— Почему так долго?! — выпалил Ци Юань.

— Был в лифте, связь пропала.

— Ты куда-то уходишь? — Пальцы актера, сжимавшие телефон, побелели, а в горле встал ком.
— Что-то срочное?

— М-м... можно и так сказать.

Ци Юань хотел что-то ответить, но слова застревали в горле. Теперь он жалел о содеянном. Цинь Шу по натуре был человеком гордым, и не стоило пытаться прогнуть его под себя. Неужели он не выдержал и решил уехать?

Пока Ци Юань судорожно соображал, как уговорить его остаться, Цинь Шу произнес:

— Ци Юань, открой дверь.

Радость была такой внезапной, что актер в три прыжка оказался у порога и распахнул дверь. Увидев, что Цинь Шу действительно стоит перед ним, он с разбегу уткнулся ему в грудь.

— Я думал, ты бросаешь меня... — пробормотал он, шмыгая носом.

Цинь Шу слишком хорошо его знал и сразу понял, какую драму тот успел разыграть в своей голове. Объясняться он не стал — просто завел актера внутрь и небрежно поставил пакет на тумбочку в прихожей.

Заметив содержимое пакета, Ци Юань почувствовал, как сердце пустилось вскачь.

— А что это у тебя? — спросил он, стараясь казаться безразличным.

Но его сияющие глаза и дрогнувший голос выдавали его с потрохами. Цинь Шу не стал его поддевать:

— Сам же видишь.

— Значит, ты сегодня... — Взгляд Ци Юаня вспыхнул восторгом.

Художник запустил пальцы в его волосы, мягко обхватил затылок и, склонившись, запечатлел короткий поцелуй в уголке его губ.

— Останусь с тобой, — просто ответил он.

<http://bllate.org/book/16121/1589396>